

Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей

Алиса Толстокорова*

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился.
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

А. С. Пушкин
«Сказка о рыбаке и рыбке»

Целью данной работы является выявление стратегий и тактик, используемых украинскими мигрантками-домработницами для преодоления социального неравенства, иерархичности и доминирования во взаимоотношениях с работодателями. Работа выполнена на основе полевого исследования. Определены особенности платного домашнего труда, детерминируемые его социальной природой как традиционной «женской работы». Выявлены такие стратегии и тактики сопротивления неравенству и доминированию: тактика «молчаливого сопротивления»; «стратегия Фрекен Бокк»; стратегия «брака заботы»; стратегия «из общежития — к «сольному проживанию»». Вводятся понятия «обратная социальная иерархия», «комплекс Лопахина», «синдром Гулливера».

Ключевые слова: Украина, трудовая миграция, женщины-домработницы, неравенство, доминирование, обратная социальная иерархия, комплекс Лопахина, синдром Гулливера.

Введение

Ужасное происшествие случилось в Москве 29 февраля 2016 г. Работавшая няней уроженка Узбекистана обезглавила четырехлетнюю воспитанницу и подожгла квартиру работодателей. Задержать женщину удалось у станции метро, где она ходила с головой ребенка и угрожала взорвать себя. Эта шокирующая новость, подхваченная мировыми средствами массовой информации, высветила как новые для постсоветского пространства виды неравенств на формирующемся неформальном рынке платного домашнего

---

* Толстокорова Алиса, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. alicetol@yahoo.com.

труда (далее ПДТ), так и проблему взаимоотношений мигранток-домработниц с их нанимателями, исследованию которой посвящена данная статья. Она подтвердила, что неравенство, бедность и конфликт всегда сосуществуют (Van Hear, 2014), и поставила на повестку дня комплекс вопросов, требующих безотлагательного внимания общества:

- положение домработниц на рынке труда, их права, обязанности, уязвимость;
- права, обязанности и вызовы работодателей во взаимоотношениях с персоналом ПДТ;
- ответственность государства за урегулирование трудовых отношений в сфере ПДТ;
- допустимые границы сопротивления производственным конфликтам в ПДТ.

Платный домашний труд как научная проблема

Домашняя работница приобрела сегодня статус «иконического образа женщины-мигрантки» и «парадигматического символа феминизации миграции и глобализации заботы» (Сох, 2014, р. 51). Сфера ее трудоустройства считается тривиальным «феминным» видом деятельности в отличие от «трудовой аристократии» высокостатусного маскулинного труда в сфере производства (Sassen, 2000). ПДТ рассматривается как неформальный институт на основе глобальной организации социальной репродукции, акторы которой составляют часть глобального сообщества трудящихся, смещенных в сферу низкооплачиваемого труда экономическими вызовами глобальной реструктуризации (Parreñas, 2015). Проведенный в данной работе гендерный анализ домашних услуг в сфере заботы и ухода позволил выделить следующие особенности ПДТ, определяемые его социальной природой как традиционной «женской работы»:

Первое, домработницы, и особенно мигрантки, «молчаливо колонизовавшие» сферу ПДТ (Vanfi, Vossagnì, 2011, р. 287), обычно находятся на низших ступенях социальной иерархии.

Второе, даже если ПДТ оплачивается по достоинству, он все равно остается недооцениваемым в социокультурном плане именно в силу его «женского» характера.

Третье, данный вид услуг предоставляется в неформализованной приватной сфере, что приводит к его «профессиональной геттоизации» (Rollins, 1985), связанной с такими проблемами, как неопределенность условий труда, объема выполняемых работ, производственных отношений и границ интимности.

Четвертое, существенным фактором производственных отношений в сфере ПДТ в условиях миграции является территориальная не/зависимость домашней прислуги от работодателя, т.е. наличие у нее возможности проживать отдельно от работодателя или клиента. Когда место работы является местом проживания, что типично для иностранок, работницы вынуждены проводить на рабочем месте 24 часа в сутки и находятся в полной зависимости от нанимателя, лишаясь возможности распоряжаться личной жизнью:

«Моральный облик воспитателя — основной критерий отбора в состоятельные семьи. Вся работа обслуживающего персонала просматривается и записывается на видеокамеру. Наше общество в данном отношении более целомудренное, чем общество людей, которые пытаются посмотреть на проблему сквозь призму своих духовных немощей. Есть над чем призадуматься!» (Юлия, преподаватель вуза и журналистка, работает гувернанткой в Москве, 05.06.2011) (Толстокурова, 2015, с. 52).

Пятое, главной проблемой домработниц является то, что они вынуждены одновременно выполнять несколько ролей, находящихся на стыке двух пространств, — публичного и приватного, управление которыми осуществляет работодатель, воспринимающий женщину то как наемную работницу, то как гостью, то как фиктивного члена семьи

(Anderson, 2000; Sollund, 2012). В то же время многоаспектный характер ПДТ допускает совмещение и пересечение логик и правил этих двух миров, а при отсутствии формальных правил трудового контракта домработница сама может стать не менее активным стратегически действующим индивидом (Ткач, 2011). Это позволяет женщинам успешно осуществлять как «стратегии менеджмента биографии» (Beck-Gernsheim, 2011, p. 6), способствующие конвертации их человеческого капитала в социальный, финансовый и символический (Bourdieu, 1986), так и индивидуальные стратегии и тактики сопротивления вызовам миграции.

Выделенные особенности предопределили главную цель данной работы, состоящую в выявлении и анализе стратегий, используемых мигрантками-домработницами для преодоления структурного неравенства, свойственного рынку ПДТ, и для сопротивления иерархичности и доминирования во взаимоотношениях с работодателями.

Аналитический инструментарий, теоретическая основа и методология исследования

Основным аналитическим инструментом, используемым для изучения ПДТ в условиях миграции, является понятие «социального положения» участников трудовых отношений, т.е. их положения в системе иерархических отношений, основанных на таких факторах социальной стратификации, как расовая, национальная и классовая принадлежность, религиозность, гендер и др. (Mahler, Pessar, 2001). Социальное положение индивида предопределяет доступ к ресурсам и проявление власти над многими социальными силами и процессами, от которых они зависят, включая возможность инициировать или трансформировать условия доступа к ним (Massey, 1994). В контексте миграции «географическое расположение», как правило, трансформируется в социальное положение (Mahler, 2001, p. 610).

Понятие «иерархия» понимается здесь как социальная организация, основанная на командно-контрольных принципах централизации и доминирования. Она интерпретируется как принцип взаимодействия и как состояние сознания, т.е. как восприимчивость к данному феномену на всех уровнях личного и социального опыта, а также как идеологическая основа социального неравенства в буржуазном обществе.

Теоретической основой исследования является «теория женской точки зрения», развивающая идеи Гегеля о взаимоотношениях хозяев и прислуги с гендерной точки зрения и рассматривающая женский опыт как источник знания о процессе угнетения и способах сопротивления ему (см.: Ryan, 2005). Также работа опирается на положения «теории пересечений», изучающей взаимосвязь между системами и формами угнетения и доминирования, и рассматривающей, каким образом различные формы дискриминации организуют и поддерживают систему социального неравенства на различных уровнях (классовом, расовом, возрастном, этническом, статусном, образовательном и т.д.) (см.: Browne, Misra, 2003). Женщины-домработницы рассматриваются с точки зрения «концепции социальной реальности» (Bourdieu, 1979) в качестве социальных агентов, вырабатывающих стратегии сопротивления «символической власти» своих хозяев, которыми те наделены согласно неформальному социальному контракту.

Методология исследования. Данная работа является частью трансдисциплинарного проекта, нацеленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Она выполнена на основе полевого исследования, включающего следующие этапы¹.

- Включенные и невключенные наблюдения проводились на протяжении 2003–2013 гг. благодаря участию автора в деятельности общественных организаций

¹ Подробнее о данном полевым исследовании см.: Толстокорова, 2016.

украинских мигрантов в странах Евросоюза (Великобритания, Швеция, Германия, Словакия), а также в Украине в ходе общения с представителями неформальных социальных сетей мигрантов: учителями и администрацией школ, где обучаются дети мигрантов, представителями отделов муниципалитетов по работе с семьями и детьми, соседями семей мигрантов и др.

- Глубинные интервью и дискуссии в фокус-группах с экспертами были организованы летом 2008 г. На этом этапе были опрошены 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т.д.
- Полуформализованные интервью и обсуждения в двух фокус-группах с мигрантами и членами их семей (общее количество: 31 женщина и 13 мужчин) были проведены в период 2007–2014 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове. Также 13 интервью были собраны в странах назначения миграции (Италии, Германии, Австрии и Франции). Методологическая стратегия исследования предполагала охват респондентов, имевших опыт работы за границей в прошлом, и нынешних мигрантов, как находящихся за рубежом, так и приехавших в Украину навестить родных. Ряд интервью проводился в телефонном режиме и дополнялся общением по электронной почте и при помощи программы Skype. Интервью с информантами, членами их семей и неформальных социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Несколько интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке.

Изначально мигрантки-домработницы не являлись целевой группой проекта, но в процессе исследования выяснилось, что большинство женщин трудоустроивались за рубежом именно в сфере домашнего обслуживания или же имели опыт работы в данном секторе на одном из этапов миграционного цикла. Это позволило обобщить результаты исследования под углом зрения опыта украинок в сфере ПДТ, выделив их в отдельную целевую группу.

Проявления иерархичности и доминирования в контексте постсоветской женской миграции: «новые Гулливеры» против «новых Лопахиных»

Как уже указывалось выше, особенностью трудоустройства в частной сфере является то, что даже в условиях достойной оплаты оно создает более сложные и неоднозначные трудовые отношения, чем в других сферах деятельности. Это связано с иерархичным характером взаимоотношений между нанимателями и работницами, усиливающимися «радикальными различиями в их социальном положении» (Hondagneau-Sotelo, 2001, p. 11). Ряд авторов указывают на расовый фактор как основную причину неравенства и доминирования в данной сфере деятельности, поскольку белокожие женщины обычно занимают руководящие позиции, а темнокожие — исполняют «грязную работу» (Rollins, 1985; Glenn, 1992; Lenz, 2001). Это обуславливает «расизацию» и «этнизацию» домашнего сервиса (Andall, 2000; Anderson, 2000; Lan, 2006), что создает «иерархию этничности» (Stiell, England, 1999), и даже «иерархию белизны» (Lazaridis, 2007, p. 23)² в отношениях не только между работодателями и прислугой, но и между самими

² На это указывают российские эксперты, отмечающие, что ситуация с мигрантами стала напоминать кастовый строй. Приезжие из Средней Азии и Кавказа работают грузчиками и уборщиками в магазинах и гостиницах «в отдалении», дабы реже контактировать с конечными потребителями услуг, причем переход на другую работу порой довольно проблематичен, а продавцами обычно выступают граждане Украины и Беларуси (Эксперты..., 2013). Среди женщин-мигранток, работающих

домработницами, когда более низкостатусные «другие» являются объектами социального исключения (Lenz, 2001; Vassilikou, 2007).

Данное исследование показало, что по отношению к мигранткам из постсоветских стран указанные традиционные детерминанты иерархичности нерелевантны в силу следующих причин. Во-первых, гостевые работницы из восточно-европейских государств, как и большинство их работодателей, относятся к белой расе, и по отношению к ним расовый фактор не может выступать причиной доминирования/подчинения. Тем не менее иерархичность в отношениях присутствует, даже если мигрантки работают на «небелых» хозяев. Во-вторых, в постсоветскую трудовую миграцию вовлечены многие женщины обедневшего среднего класса, включая его высшие слои (госслужащие, представители научной интеллигенции и административных структур и др.). По своему социальному происхождению, образовательному и культурному уровню они зачастую не отличаются от работодателей, а нередко и превосходят их³. Так, по данным исследования Тернопольской области, откуда уезжает больше всего украинок, 37,3% мигранток имеют высшее образование, а 43,4% женщин до выезда за рубеж занимали должности специалистов (Трудова міграція..., 2002). В-третьих, в ряде принимающих государств уровень образования украинских мигранток как этнической группы превышает средний по стране, например, в Израиле, Греции и Португалии (Парламентські слухання..., 2004). Это подтверждается классово-образовательным составом респонденток проекта: две имеют степень кандидата наук, четыре являются преподавателями вузов и колледжа, три в прошлом или настоящем являлись госслужащими городских муниципальных администраций. Среди интервьюируемых были бывшие директор и завуч школы, заведующая городской библиотекой, член администрации городской коммунальной службы, представительницы инженерно-технической, медицинской и творческой интеллигенции. Из-за низких заработков они вынуждены трудоустроиваться за рубежом на низкоквалифицированных работах, доступных для трудовых мигрантов, причем их высокий культурно-образовательный статус не приводит к уменьшению неравенства в производственных отношениях с работодателями.

Таким образом, данное исследование не подтверждает мнения, что «сегмент теневого рынка домашнего персонала составляют женщины, не обладающие достаточным уровнем квалификации и образования для поиска иных видов занятости» (Здравомыслова, 2009, с. 20), но согласуется с наблюдением, что образовательный уровень многих домработниц значительно превышает требуемый для их профессии (Vassilikou, 2007). Так, по данным российских исследователей, уровень образования мигранток, занятых в российской сфере домашнего обслуживания, выше, чем в других сферах трудоустройства: более четверти имеют вузовские дипломы, а каждая вторая — профессиональное образование (Варшавская, 2014). По другим данным, более 30% мигранток-домработниц, работающих в больших городах России, имеют высшее и незаконченное высшее образование и свыше 45% — среднее специальное (Карачурина, Мкртчян, 2012). Более того, некоторые наши информантки имели более высокий социально-образовательный

России, также сложилась социальная иерархия: самую высокую зарплату получают женщины из Беларуси, а самую низкую — из Армении, Таджикистана и Узбекистана (Женщины-мигранты..., 2011, с. 39). Исследователи объясняют подобные неравенства региональной географией власти, распределяемой между нациями (Pargéas, 2011).

³ Это не удивительно, т.к. в составляемом ООН рейтинге государств по уровню грамотности Украина занимает 9-е место в мире (Список стран...2009), а по уровню образования — 30-е место, ненамного уступая и даже опережая по этому показателю основные страны-потребители украинской трудовой силы: Греция — 29-е место, Австрия — 31-е, Испания — 32-е, Италия — 33-е, Россия — 36-е, Португалия — 56-е (Рейтинг стран..., 2015).

статус, чем их работодатели, целенаправленно подыскивавшие себе служанок с университетскими дипломами «с целью демонстрации экономического превосходства семьи, способной оплачивать подобные услуги» (Zervidou, 2008, p. 37). Для них высокообразованная служанка была вопросом престижа и «символическим капиталом» (Bourdieu, 1979, 1986), свидетельствующим о высоком социальном статусе семьи. Дипломированный специалист Нина высказала такие впечатления о работе домработницей в богатых домах Италии: «*Это не обидно, это очень больно, и особенно когда работаешь в доме, где не умеют ни читать, ни писать*» (Тяжелая доля..., 2014).

Работница сферы культуры Маргарита устроилась на работу в Москве в качестве няни в семье преуспевающего бизнесмена и его супруги-домохозяйки, не имевших высшего образования. Ее хозяйка очень гордилась тем, что имеет домработницу с университетским дипломом, часто хвалилась этим перед друзьями и старалась учиться у своей служанки многим бытовым мелочам, свойственным семьям интеллигенции, к которой стремилась принадлежать. Работодательницей Софии была «генеральская внучка» из обеспеченной московской семьи, не имевшая высшего образования и с благоговением относившаяся к своей образованной служанке с ее изящными манерами и широким кругозором. А у хозяйки Аллы профессиональные квалификации ее образованных и высококультурных служанок, превосходящих ее по социальному статусу, энтузиазма не вызывали. Эта дама из категории «новых Лопахиных» всячески пыталась их унижить, чтобы компенсировать комплекс неполноценности перед своей экономкой, бывшим главным инженером крупного предприятия, и няней, балериной Большого театра, подрабатывающей на содержание квартиры на Кутузовском проспекте российской столицы. О ней и подобных ей бывшая служанка Алла отозвалась так: «*Они хотят ангела-хранителя для ребенка и одновременно козла отпущения, чтобы вымещать свои эмоции*» (Алла, инженер, 58 лет, работала домработницей в Москве, 20.08.2012).

Страдала от «комплекса Лопахина⁴» своей хозяйки, терпя упреки в том, что она «слишком умная», Юлия — преподаватель вуза с дипломами специалиста и кандидата наук из МГУ, вынужденная подрабатывать гувернанткой в семье московских нуворишей, чтобы заработать на оплату высшего образования дочери.

Таким образом, результаты данного исследования позволяют заключить, что спецификой рынка труда постсоветских мигранток-домработниц является феномен *обратной социальной иерархии* в трудовых взаимоотношениях с работодателями. В отличие от мигранток из третьего мира, где доминирование хозяев обусловлено «социальной властью» на основе многомерного статусного неравенства, обусловленного более высоким экономическим и образовательным положением в обществе, постсоветские работницы ПДТ по этим параметрам зачастую не уступают работодателям. Например, уровень образования домашних работниц бывает выше, чем у их наймателей. Это нередко приводит к психологическим коллизиям нового типа, в частности, к проявлениям *комплекса Лопахина* у работодателей и *синдрома Гулливера* у домработниц, нередко ощущающих себя в обществе своих хозяев великанами в стране гномов.

Яркий пример *обратной социальной иерархии* в отношениях нанимателя и служанки представлен в исследовании турецкого рынка ПДТ (Şimşek, 2010). В этом исследовании рассматривается эпизод из популярного сериала, отражающего историю взаимоотношений домработницы-молдаванки и ее работодателя, ведущего праздный образ жизни турецкой «золотой молодежи». Молодой человек очарован красотой и умом своей служанки — голубоглазой блондинки с прекрасными манерами — и предлагает ей руку и сердце. Но отпрыск богатой семьи получает отказ на том основании, что он не ровня

⁴ Лопахин Ермолай Алексеевич — персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», купец, разбогатевший выходец из крепостных крестьян.

своей просвещенной, начитанной домработнице, имеющей несколько престижных специальностей, чем юноша похвалиться не может. Тем самым женщина дает понять своему работодателю, что в терминах социальной иерархии, в отличие от иерархии экономической, она имеет преимущества перед ним благодаря своей «символической собственности» (Bourdieu, 1979), определяемой персональными достижениями личности, а не содержимым кошелька богатых родственников.

Стратегии сопротивления доминированию работодателей в контексте «этики собственного «я»» домработниц

Занимая непрестижное положение в обществе, домработницы не теряют человеческое достоинство, а пытаются осмыслить свое положение с точки зрения «этики собственного «я»» (Фуко, 1991, с. 307), позволяющей отстаивать свои права всеми способами, доступными в их ситуации. Свидетельством тому является текст письма, присланный мне по электронной почте вышеупомянутой Юлией:

«Я сегодня весь день думаю о нашем разговоре. Мне кажется, что проблема в другом. Причина кроется в социальном расслоении общества ... Богатые хотят долгосрочных отношений, но они не готовы принять человека из низов в свой дом. Хотя все они раньше сидели «на дне». Вспомните сказу о золотой рыбке. Как Вам образ старухи? Сначала захотела новое корыто, а потом — стать владычицей морскойю! И чтобы золотая рыбка непременно была у нее на посылках! Они ждут золотую рыбку. Но приходит не рыбка золотая, а приходит человек — уставший, замученный жизненными катаклизмами. От такого человека их начинает мутить. Лучше бы это был робот, который выполнял все функции. Нужен биоробот-энергетик, которого можно беспрдельно эксплуатировать. Но тогда такой заказ стоит не 2000 долларов. За такую роль нужно платить гораздо больше. Поэтому мало, кто соглашается. Быть может, это комплекс неполноценности. Им стыдно за прошлое. Раньше их так же кто-то тиранил. Они терпели лишения и унижения. Теперь настало время расквитаться за все обиды ... VIP- персонал ожидает видеть у себя раба, который будет все делать и которого можно угнетать. При этом раб должен уметь хорошо воспитывать детей, т.е. он должен быть образованным. Но если человек хорошо образован, он рано или поздно начнет бунтовать против такого положения, даже если ему будут платить 2000 долларов в месяц. Долго никто не выдерживает эмоциональных экзекуций. Поэтому здесь такая текучесть кадров. Последний заказ я выдержала три месяца. В прошлом году за лето мои работодатели сменили семь человек!» (Юлия, преподаватель вуза и журналистка, работает гувернанткой в Москве, 05.06.2011) (Толстокурова, 2012, с. 217).

Это письмо демонстрирует, что даже в сложных жизненных обстоятельствах миграции женщины не принимают удары судьбы безропотно и не смиряются с положением «вечных аутсайдеров» (Tastsoglou, Hadjiconstanti, 2003). Оказавшись в новой среде, они пытаются к ней адаптироваться, вырабатывая принципы «ловкого выживания» (Tausch, 2013) и стратегии «заботы о себе» (Фуко, 1991). Некоторые изобретают психологические приемы, помогающие легче перенести разлуку с семьей (Зурабишвили, Зурабишвили, 2012). Другие воспринимают проявления неравенства как временное неудобство и испытание на прочность, требующее проявления выдержки и терпения. Третьи, имея «четкое представление и философское отношение к своему положению» (Kaurinkoski, 2009, р. 46), оценивают его критически и вырабатывают соответствующие тактики и стратегии

сопротивления, позволяющие отстоять свои права и сохранить личное достоинство. Обобщение результатов полевого исследования позволило выделить типологию таких стратегий и тактик.

Стратегия «молчаливого сопротивления» или философия «золотой рыбки»

Женщины прибегали к стратегии «молчаливого сопротивления» как способу бесконфликтного преодоления унижительных ограничений их личной автономии, например, когда работодатели запрещали им приглашать в дом своих знакомых. При этом аналогия с «золотой рыбкой», упомянутая в электронном письме Юлии, уместна для иллюстрации условности властных отношений, складывающихся между домработницами и их хозяевами. Если работодатели считают себя вправе претендовать на положение «владычиц морских» в силу своих формальных преимуществ, то украинские «золотые рыбки» оставляют за собой право оставлять их «у разбитого корыта» в силу своих личностных достоинств, не создавая при этом конфликтных ситуаций. Так, многие сталкивались с ограничениями персонального пространства:

«Домашняя работа — это сфера высокого риска. Это значит, я принадлежу этим людям без остатка. Никакой собственной жизни у меня нет» (Татьяна, 42 года, психолог, в разное время работала няней в Москве и Киеве, 11.08.2012).

Некоторые работодатели отказывали своим работницам даже в таком естественном праве, как возможность питаться по своему вкусу и держать в доме собственные продукты, тем более готовить пищу для себя лично. Это право обычно воспринимается людьми как данность, и лишённые его испытывают сильный эмоциональный стресс, поскольку эта ситуация свидетельствует об их подконтрольности (Sollund, 2012). 49-летняя домработница в Италии Тамара рассказала, что ее хозяин не разрешал ей питаться отдельно и держать в доме собственные продукты. Женщина воспринимала эту ситуацию как унижительную для ее достоинства и в ответ изобрела «конспиративную тактику», позволявшую ей отстоять право на кусовые предпочтения:

«Я взрослый человек и привыкла есть, когда мне хочется и что мне хочется. Иногда, знаете, так бывает, что утром, когда мои завтракают, мне есть не хочется, а через пару часов чувствую, что проголодалась. Так я тогда потихоньку стяну со стола кусочек хлеба или банана и — в карман, а потом найду какой-нибудь повод, чтобы улизнуть в свою комнату и там быстренько это съедаю. Ем, а сама реву. Так обидно!» (Тамара, 49 лет, домработница в Италии, 02.04.2009). (Толстокорова, 2012, с. 218).

Это интервью подтверждает мнение, что даже если приглашение к столу со стороны работодателей искренне и не является предписанием, оно все равно воспринимается домработницами как проявление контроля с их стороны и может привести к конфликтам (Búriková, Miller, 2010; Sollund, 2012). Также оно служит иллюстрацией того, что, превращаясь в предмет власти, пища может оказывать влияние на человека на уровне физической организации его бытия (Сохань, 2011) и может служить средством сопротивления доминированию (Fertaly, 2012). Оно подтверждает и тезис о том, что женщины-домработницы, живущие под бдительным наблюдением своих работодателей, особенно подвержены угрозам миграционных рисков. В условиях, когда вызовы миграции дополняются необходимостью жить в чужом доме, соединяя не вполне четкие роли гости, фиктивного члена семьи, работницы и служанки, эти риски лишь возрастают (Sollund, 2012).

«Стратегия Фрекен Бокк»: из домработниц — в домоправительницы

Интервью показывают, что мигрантки осмысливают свою «стратифицированную инаковость» (Lan, 2006, p. 16) не столько в свете «логики различия», сколько в терминах «логики эквиваленции» (Лакло, 2014), применяя стратегии сопротивления, позволяющие компенсировать ущербность их социального положения. Одной из них является стратегия «из домработниц — в домоправительницы» à la Фрекен Бокк⁵. Ее применяла Иванна, бывшая преподаватель вуза, проработавшая три года домработницей в Израиле, куда приехала в гости к подруге. Спонтанное решение ненадолго задержаться, чтобы поправить материальное положение, было подсказано окружением, где, по ее словам, «пол-Израиля — это мои украинские знакомые». Бывшие земляки помогли Иванне найти маклера, трудоустроившего ее няней в семью зажиточных израильтян, где она также исполняла роль домработницы, вернее, «домохозяйки», поскольку все проблемы быта впоследствии легли на плечи служанки:

«Домохозяйкой была я, а она была не домохозяйка, а «домолежалка». Иногда целый день не вылезала из кровати. Ну что говорить, избалованный ребенок богатенького папочки! Она же как привыкла: вот если поставить перед ней стакан, она знает, что с ним делать — из него можно пить. А что там до того, что туда налить что-то нужно, и что после того, что его помыть нужно, это уже ее не волнует» (Иванна, преподаватель вуза, работала домработницей в Израиле, 30.08.2012).

Иванна рассказала, что хозяйке приходилось голодать, т.к., располнев после рождения ребенка, она стремилась похудеть и могла сутками ничего не есть или уезжала из дома на весь день, а возвращаясь, забывала закупить продукты. В этих условиях Иванне ничего не оставалось, как взять на себя все заботы по ведению хозяйства. Надбавки к зарплате она не получала, но приобрела в семье авторитет и статус «домоправительницы», принимавшей важные хозяйственные решения, с которыми ее работодательница была вынуждена считаться. Таким образом, посредством дополнительной неоплачиваемой работы женщина преодолела бытовые неудобства и доминирование со стороны хозяйки.

Стратегия «брака заботы»: агапическое измерение социальной жизни⁶ украинских мигранток

Процесс конструирования феминности и маскулинности представляет собой один из организующих факторов «мигрантскости». Властная позиция мобильных индивидов в социальной иерархии может достигаться посредством «эротизации телесности мигрантов» (D'Ottavio, 2006), используемой как мужчинами, так и женщинами. Так, доступ к значимой информации в бытовых вопросах, например, о возможностях трудоустройства и обеспечения жильем, наделяет мужчин-мигрантов преимуществами, позволяющими подбирать себе более молодых и привлекательных партнерш. Женщины могут использовать свою женскую привлекательность в качестве «телесного капитала» (Ваньке, 2013, с. 9), инвестируемого в достижение своих прагматических целей. По данным кадровых агентств, привлекательная внешность женщины является значимым фактором для получения трудоустройства (Hondagneu-Sotelo, 2001; Cox, 2007). Информантки также отмечали, что молодежные женщины с приятной внешностью имеют больше шансов

⁵ Героиня популярной сказки Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».

⁶ Агапическое измерение социальной жизни (от греч. «агапе» — любовь) характеризует сферу интимности, дружбы и любви (см.: Iorio, 2014).

получить работу через агентство. Это дает основания квалифицировать домашний сервис как разновидность «эстетического труда», где, как и в других видах «интерактивного сервиса», ценятся эстетические навыки и стилевые умения (Nickson et al., 2003).

Как уже указывалось ранее (Толстокорова, 2015, с. 49), славянские женщины высококонкурентны на международных брачных рынках и умело используют свои преимущества для обеспечения семейного благополучия посредством брака с мужчинами из европейских государств. Поэтому в принимающих странах они снискали репутацию «похитительниц мужей» (Тяжелая доля..., 2014). В Италии их окрестили «vorago», т.е. охотницы за мужчинами (D'Ottavio, 2006). Социологические исследования показывают, что этот «миграционный миф» не имеет под собой оснований. В той же Италии, являющейся основной принимающей страной женской миграции, только 5% опрошенных украинок отметили, что намерены выйти замуж за итальянца (Акимов, 2009). Скорее всего, этот миф является реакцией местного населения на образ «другого», вернее, «другой», занимающей в социальной иерархии нижнюю ступень, но более успешную в интрагендерной конкуренции:

«В Германии появилось много роликов, они там говорят, что наши «аих-пайр» жаждут одного — выйти замуж, что «аих-пайр» — это только повод туда попасть, а не цель, чтобы изучить язык и культуру. Ну, а что они хотят? Нам же ничего не остается. И потом, наших девочек здесь охотно берут замуж. Для наших выйти здесь замуж — не проблема. У наших и внешность, и все мы умеем, и трудолюбивые. Так чему удивляться?» (Илона, 34 года, переводчица и журналистка, работала домработницей в Германии и Австрии, 23.08.2012) (Толстокорова 2015, с. 49).

Информантки отмечали, что легенда об украинках как «охотницах за мужьями», распространяемая средствами массовой информации, не только необъективна, но и небезопасна, т.к. создает неблагоприятный контекст для работы в семье и для интеграции в принимающее общество. Так, респондентки сталкивались с агрессивностью хозяек, обвинявших их в посягательствах на своих мужей. Причем предвзятость в отношении к украинкам вкупе с гендерной дискриминацией по возрасту и внешности начинается еще при получении визы в посольстве страны назначения. Об этом рассказала молодая женщина, рассчитывавшая выехать в краткосрочную поездку в Италию:

«В очереди в консульское отделение ... как-то услышала, что если тебе тридцать, ты не замужем, да еще и блондинка, то визу не получишь. Все — словно обо мне! Подумала — шутки... Но когда осталась без визы, поняла — все намного сложнее» (Музыка, 2006, с. 77).

Нельзя отрицать и того, что для мигрантки, особенно нелегальной, занятой в непрестижной, малооплачиваемой сфере домашнего сервиса, брак с местным мужчиной является возможностью создать семью и легализовать свое положение, обрести финансовую безопасность и восстановить социальный статус, утраченный в результате миграции. Для этого женщины используют стратегию «брака заботы» (Tognetti Bordogna, 2004) как разновидность «стратегии выгодного брака» (Тюрюканова, 1999, с. 92), заключаемого между сиделкой и ее клиентом, чаще всего с пожилым мужчиной или членом его семьи, неконкурентоспособным на брачном рынке в силу социодемографических параметров, таких как возраст, род занятий или предыдущий брак (D'Ottavio, 2006). Союз такого рода позволяет обоим партнерам нивелировать «брачное неравенство», свойственное социально депривированным индивидам, и занять подобающее место в общественной иерархии. Подтверждением тому является история Майи, которую нищенская

зарплата инженера вынудила искать работу на оливковых плантациях Испании. Благодаря своим компетенциям домохозяйки женщина смогла успешно устроить свою личную жизнь и повысить социально-экономический статус благодаря гражданскому браку с испанским работодателем. Об этом рассказала ее бывшая соседка по дому:

«Наши украинские женщины востребованы везде, потому что они и красавицы, и прекрасные хозяйки, и ответственные матери. Где бы она ни жила, украинка, даже в самых отвратительных условиях, она всегда сможет превратить это место в «настоящий дом». Там всегда будет чистенько, уютненько, там всегда будет огородик с огурчиками-помидорчиками и садик с цветочками под окнами. Вот Майя как раз такая. Красавица женщина и замечательная хозяйка. Поэтому, как только она нашла себе там работу, в Испании, начала обживаться, ее хозяин-испанец тут же ее заметил и глаз на нее положил. Ну, пригласил к себе, вроде бы как сначала попросил как домработницу, присматривать за домом. Она, конечно, согласилась. Он был в восторге от того, как она готовит, в какой чистоте содержит дом. И очень скоро они стали жить вместе как муж и жена. Вот так благодаря своим способностям за пару-тройку месяцев прошла путь от батрачки до домработницы, а потом и домохозяйки» (Варвара, 68 лет, мать мигранта в России, 17.08.2011) (Толстокорова, 2015, с. 48–49).

Повышение социального положения благодаря «браку заботы» является для мигранток важным фактором интеграции в принимающее сообщество. Так, в ходе полевого исследования мы обратились с просьбой об интервью к украинке, проживающей в Италии, но получили отказ. Женщина объяснила его тем, что, заключив брак с итальянцем, она сменила положение сиделки на социальный статус работодательницы и теперь не желает ассоциировать себя с украинскими гастарбайтерами:

«Да, я сюда приехала как домработница, «badante» это называется. Но теперь у меня здесь есть и муж, и семья, и я теперь сама нанимаю себе домработницу. Я теперь сама «сеньора», а не ваш клиент» (Марина, работала сиделкой в Италии, 14.09.2012) (Толстокорова, 2016, с. 44).

Это подтверждает наблюдение, что эмоциональные, интимные и брачные предпочтения мигранток во многом задаются глобальными иерархиями на основе расовых, этнических, религиозных, классовых факторов, которые оказывают существенное влияние на их социокультурный опыт и сами воспроизводятся и проблематизируются благодаря миграции (Mai, King, 2009, с. 302).

Стратегия «из общежития — к «сольному проживанию»⁷»

Проблема обеспечения жильем связана для мигранток не только с вопросами зависимости и доминирования, но и с социально-культурными рисками чужеродного окружения, в том числе с безопасностью условий жизни:

«После защиты [диссертации] хотела заняться социальной репродукцией, хотела перейти из публичного в приватное, но оно казалось даже более рискованным» (Юлия, преподаватель вуза и журналистка, работает гувернанткой в Москве, 05.06.2011).

⁷ Термин «сольное проживание» обозначает стиль жизни людей трудоспособного возраста, живущих отдельно от семьи (Klinenberg, 2013).

Как показывают исследования (Зурабишвили, Зурабишвили, 2012), когда мигрантки чувствуют себя некомфортно в доме работодателей, лишь немногие способны поговорить с ними и высказать свои претензии. Обычно они предпочитают найти другую работу в надежде, что им повезет и у них будут лучшие условия, или ищут работу вне дома. Несмотря на риски, связанные с необходимостью снимать и оплачивать собственное жилье, женщины готовы идти на них. То, что они не живут в «чужом» доме и никому не «прислуживают», становится для них важнее соображений безопасности. Это согласуется с наблюдением, что «концепция дома» в условиях мигрантскости подразумевает, что дом «строится» самими мигрантами, это результат собственных усилий по созданию своего места, и положение «квартиранта» в долгосрочной перспективе имеет тенденцию к смене на статус «собственника» (Бредникова, Ткач, 2010, с. 79).

В этих условиях женщины используют стратегию «из общежития — к сольному проживанию» (Tolstokorova, 2013, с. 102), которая требует более высокой степени социальной пластичности, самодостаточности и навыков самоорганизации, но избавляет от доминирования работодателя и от пространственных ограничений, коммуникационных коллизий и эмоционального дискомфорта, неизбежных в условиях проживания в чужой семье. Но самым важным для женщин является то, что она предоставляет свободу выбора и возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью:

«Да, конечно, если живешь в семье хозяина, то в этом есть свои преимущества. Особенно в самом начале. Во-первых, так и дешевле, и надежнее, если у тебя есть жилье и не надо платить за квартиру и за питание. Но потом, знаете, это начинает давить, все-таки это не очень удобно, жить приживалкой. И потом, когда ты на виду с утра до ночи, тебе все 24 часа нужно быть в форме. Понимаете, иногда чувствуешь себя так паршиво, и так тяжело держаться, и нет сил привести себя в порядок, и так не хочется, чтобы тебя кто-то видел в таком состоянии, а нужно идти работать и быть все время на виду. Когда работаешь и живешь в одном доме, ты себе не принадлежишь и не можешь расслабиться. Ты живешь как в общежитии и принадлежишь хозяину. За два года такой общежитской жизни меня это так достало, что я решила: все, пора уходить. К тому времени у меня были уже кое-какие знакомства, и они мне помогли найти работу уборщицы, заработок такой же, как когда я ухаживала за стариком. Даже чуть больше. Понятно, что так дороже, потому что нужно самой платить за жилье и питание, но я уже кое-что скопила и пошла на это. Главное, что у меня теперь есть свой угол. По утрам я, как и все, иду на работу и ничем не отличаюсь от остальных. И я знаю: теперь я не принадлежу никому, я сама себе хозяйка» (Вера, 54 года, домработница в Риме, 02.04.2009) (Толстокорова, 2012, с. 205–206).

Подобным способом решила проблему зависимости от работодателя и другая информатка — Надежда, не пожелавшая оставаться в доме хозяйки, когда у той начались проблемы с бизнесом, отразившиеся на ее характере и стиле жизни. Надежда попала в Грецию благодаря содействию бывшей соотечественницы, имеющей там собственную фирму. Она предложила мигрантке место домработницы в своем особняке и помогла получить официальное разрешение на работу в Греции:

«Поначалу меня все полностью устраивало, потому что я не знала языка и сама не смогла бы найти себе работу и жилье. Но поскольку я жила и работала у «наших», то это решало все проблемы: она [хозяйка] говорила по-русски, и у меня была сразу и работа, и жилье. Но где-то через год у хозяйки начались проблемы с бизнесом. Она стала задерживать зарплату, выпивать, потом мужики стали приходить толпами, начались попойки, ругань, драки. И ко мне стали приставать. Короче, там стало

опасно, нужно было срочно «делать ноги» оттуда. Я уже немного говорила по-гречески и успела обзавестись знакомствами. Встретила там одну нашу женщину, которая раньше работала в Италии. Она дала мне адрес своих бывших итальянских хозяев, и я с ними связалась. Ну вот, теперь я здесь, в Милане. Учительница музыки и эстрадная певица, а приходится «мыть попы» этим старым итальянским..., которых мой дед не добил во время войны. Но зато здесь я ни от кого не завишу, я сама решаю, что мне делать и как жить. Захочу уехать — возьму и уеду!» (Надежда, 39 лет, учитель музыки и эстрадная певица; домработница в Италии, 04.06.2007) (Толстокорова, 2012, с. 206).

Данная стратегии используется женщинами тогда, когда они уже адаптировались в принимающем обществе, овладели языком и наработали социальные сети, что обеспечивает больше возможностей в выборе жилья и трудоустройства. На этом этапе мигрантки могут иметь более высокие доходы, работая сиделками одновременно в нескольких семьях, или уборщицами, чьи услуги оплачиваются на порядок выше:

«Зарботки у уборщиц на уровне оплаты труда мужчин в строительном секторе. Это выгоднее и не зависишь от жилья работодателя. Поэтому сначала берут, что есть, а потом уже переходят с «бабы-ситтера» на уборку» (Леся, 36 лет, фармацевт, работала домработницей в Италии, 25.02.2011).

Работа уборщицы может предполагать минимальный контакт с работодателем и меньшую степень зависимости от него. Например, Нина рассказала, что во время уборки в частных домах практически не встречается с хозяевами:

«Сейчас я убираю дома у нескольких хозяев. Они меня взяли к себе по рекомендации своих знакомых — я у них раньше работала сиделкой. У меня хорошая репутация, они мне доверяют. Оставляют мне ключи и уходят себе на работу. Знают, что я ничего не возьму, что все в доме будет в порядке. Я их вижу только в день полочки» (Нина, 54 года, инженер, домработница в Италии, 02.04.2009).

Эти данные подтверждаются другими исследованиями, показывающими, что работа уборщицы означает для женщин более высокой доход и избавление от зависимости от хозяев, а также более высокий социальный статус, чем у сиделки (Химович, 2008). Т.е. даже в таком одиозном секторе труда, как ПДТ, домработницам удастся отстаивать свои интересы и делать «карьеру заботы и ухода» (Tolstokorova, 2013, p. 105).

Заключение

Одним из побочных эффектов процесса глобализации является феномен «коммерциализации приватной сферы», в который Украина оказалась вовлечена в результате феминизации трудовой миграции, создающей ей репутацию «уборщицы Европы» (Сафронова, 2013) и «народа сиделок» (Вовк, 2012). В эпоху раннего модерна равное социальное положение хозяев и прислуги было типичным явлением, но в результате элитаризации первых и пролетаризации вторых равенство их социального положения стало редким явлением, и сегодня работодатели и домработницы, как правило, находятся в отношениях «архетипической асимметрии» (Sarti, 2008, p. 89). Наше исследование показало, что постсоветские экономические преобразования внесли свои коррективы в этот процесс, повернув колесо истории домашнего труда вспять. Об этом свидетельствует феномен «обратной классовой мобильности» (Parreñas, 2015, p. 150) среди

украинок, занятых в ПДТ за рубежом. Он заключается в одновременном повышении их финансового статуса благодаря географической мобильности и понижении социального статуса в результате работы в непрестижных видах занятости. Эта тенденция свойственна не только постсоветским мигранткам, но и независимой женской миграции в целом (IOM, 2012). В результате домработницы нередко имеют более высокий уровень образования и на родине занимают более высокое социальное положение, чем их зарубежные работодатели (Sarti, 2008). Они обладают навыками и социальным капиталом, необходимыми для данного вида занятости, но оказываются в положении эксплуатируемых, поскольку их труд остается непризнанным, низкооплачиваемым и жестко контролируемым. В результате иерархичность и неравенство в трудовых отношениях сохраняются. Это подтверждает актуальность мнения о неправомерности рассмотрения женщин как гомогенной группы и игнорирования значения этнических, расовых, социальных, экономических и др. различий между ними (Ludvig, 2006; Lewis, 2006). Эти многомерные неравенства вынуждают мигранток преодолевать разнообразие социокультурные вызовы чужеродного окружения, с которыми им обычно не приходится сталкиваться дома. Однако женщины искусно справляются с ними, выстраивая стратегии и тактики сопротивления как «стратегии успеха» (Тюрюканова, 1996), позволяющие успешно адаптироваться к условиям жизни в принимающих странах.

Литература

- Акімов Д. Arrivederci Ucraina?... BUON GIORNO Italia... // Атлантична панорама. 2009. № 6 (25). С. 24–28.
- Боков В. *Институт услужения: притязание на прописку* // Социальная политика и социология. 2012. № 1. С. 75–83.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Лабораториум. 2010. № 3. С. 72–95.
- Ваньке А. В. Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2013.
- Варшавская Е. Я. Труд домашних работников в России и за рубежом // Современное общество и труд: сб. науч. статей / Отв. ред. Р. В. Карапетян. СПб.: Изд. центр экон. ф-та СПбУ, 2014. С. 170–179.
- Вовк І. «Народом доглядальниць» називають в Італії українських заробітчанок // 33 канал. 2012. № 14. URL: <http://old.33kanal.com/12-14/4893-12-14-5> (дата обращения: 01.03.2016).
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Здравомыслова Е. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда: Введение // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2009. С. 7–32.
- Зурабишвили Т., Зурабишвили Т. Психологическая цена миграции женщин из грузинского посёлка Даба Тианети // Диаспоры. 2012. № 2. С. 6–24.
- Карачурина Л., Мкртчян Н. Домашние работники: Взгляд через призму обследования ЦМИ «Женщины-мигранты в России». Выступление на круглом столе «Продвижение международных стандартов и норм для защиты прав домашних работников в РФ». 03.10.2012. URL: <http://www.slide-share.net/Poletaev/ss-14578248> (дата обращения: 01.03.2016).
- Лакло Э. О популизме. Памяти Эрнесто Лакло (1935–2014). Закон целого в социальной теории // Гефтер. 18. 04.2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/12049> (дата обращения: 01.03.2016).
- Музика В. Українці в Італії. Кілька років у минуле // Політика і час. Україна в міжнародних відносинах. 2006. № 2. С. 75–80.
- Парламентські слухання «Стан та проблеми правового і соціального статусу сучасної трудової міграції». Київ, 2004.
- Рейтинг стран мира по уровню образования // Центр гуманитарных технологий, 18.03.2015. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 01.03.2016).

Сафронова Е. Уборщицы Европы как иллюзия благополучия // Golos.ua. 08.11.2013. URL: http://ru.golos.ua/social_problem/13_11_06_uborschitsyi_evropyi_kak_illyuziya_blagopoluchiya (дата обращения: 01.03.2016).

Список стран по уровню грамотности. 2009. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/список_стран_по_уровню_грамотности (дата обращения: 01.03.2016).

Сохань И. Фаст-фуд как актуальная гастрономическая практика потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5 (58). С. 260–269.

Ткач О. Профессионализация домашней уборки: очерчивая фронтиры // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: Вариант, 2011. С. 304–333.

Толстокорова А. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. 2012. № 1. С. 198–226.

Толстокорова А. Энигма, враг или амиго?: роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 9. С. 36–58.

Толстокорова А. Полевые исследования гендерных аспектов трудовой миграции: этические и методологические вызовы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 2 (116). С. 43–48.

Трудова міграція населення Тернопільської області: кількісні та географічні аспекти. Тернопіль: Лідер, 2002.

Тюрюканова Е. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: ИСЭПН, 1996. С. 84–102.

Тюрюканова Е. Потенциал экономической миграции из России: гендерный аспект // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. Вып. XI. М.: МОНФ, 1999. С. 86–98.

Тяжелая доля украинок в Италии. 26.04.2014. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC1vGae-2Q3oT5MkhhfW8lwjg> (дата обращения: 01.03.2016).

Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс. 1981–1982 гг.) // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 84–156.

Химович О. Еміграційна активність жіночого населення в Україні // Вісник Львівського Унів-ту. Серія соціологія. 2008. Вип. 2. С. 362–366.

Эксперты: Ситуация с мигрантами напоминает «кастовый строй». 20.11.2013 // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://www.rbc.ru/economics/20/11/2013/890067.shtml> (дата обращения: 01.03.2016).

Andall J. Gender, Migration and Domestic Service. The politics of black women in Italy, Aldershot: Ashgate, 2000.

Anderson B. Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour. L., N.Y.: Zed Books, 2000.

Banfi L., Boccagni P. Transnational Family Life and Female Migration in Italy: One or multiple patterns? // Gender, Generations and the Family in International Migration / Ed. by A. Kraler, E. Kofman, M. Kohli, C. Schmoll. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 287–312.

Beck-Gernsheim E. The marriage route to migration of border artistes, transnational matchmaking and imported spouses // Nordic Journal of Migration Research. 2011. Vol. 1. № 2. P. 60–68.

Bourdieu P. La Distinction Critique Sociale du Jugement. Paris: Minuit, 1979.

Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.

Browne I., Misra J. The Intersection of Gender and Race in the Labor Market // Annual Review of Sociology. 2003. Vol. 29. P. 487–513.

Búriková Z., Miller D. Au Pair. Cambridge: Polity Press, 2010.

Cox R. Domestic Workers and au Pairs // Migration: The COMPAS Anthology / Ed. by B. Anderson, M. Keith. Oxford: COMPAS, 2014. P. 51–52.

Cox R. The Au Pair Body: Sex Object, Sister or Student? // *European Journal of Women's Studies*. 2007. Vol. 14. № 3. P. 281–296.

D'Ottavio G. Shuttle Female Migration in an Enlarged Europe. 2006. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/GDOttavioShuttle_Female_Migration_in_an_Enlarged_Europe.pdf (accessed: 01.03.2016).

Fertaly K. Khash, history and Armenian national identity: Reconsidering post-socialist gender, food practices and the domestic // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2012. Vol. 19. № 1. P. 81–102.

Glenn E. N. From Servitude to Service Work: Historical Continuities in the Racial Division of Paid Reproductive Labour // *Journal of Women in Culture and Society*. 1992. Vol. 18. № 1. P. 436–459.

Hondagneu-Sotelo P. *Doméstica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*. Berkeley: University of California Press, 2001.

IOM. Crushed hopes: Underemployment and deskilling among skilled migrant women. Geneva: International Organization for Migration, 2012.

Iorio G. *Sociology of Love: The Agapic Dimension of Societal Life*. Wilmington: Vernon Press, 2014.

Kaurinkoski K. Gendered Migration Patterns and Experiences of Ukrainian Immigrants in Greece // *Spotlights on Russian and Balkan Slavic Cultural History. Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe* / Ed. by A. Ioannidou, C. Voss. Munich: Otto Sagner, 2009.

Klinenberg E. *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. N.Y.: Penguin Press, 2012.

Lan P. *Global Cinderellas: Migrant Domestic Workers and Newly Rich Employers in Taiwan*. Durham, London: Duke UP, 2006.

Lazaridis G. Les Infirmières Exclusives and Migrant Quasi-Nurses in Greece // *European Journal of Women's Studies*. 2007. Vol. 14. № 3. P. 227–246.

Lenz R. Lady and the Maid: Racialised gender relations in Greek-Cypriot households // *The Cyprus Review*. 2001. Vol. 13. № 2. P. 75–92.

Lewis J. The decline of the male breadwinner model: implications for work and care // *Social Politics*. 2001. Vol. 8. № 2. P. 152–169.

Ludvig A. Differences between women? Intersecting voices in a female narrative // *European Journal of Women's Studies*. 2006. Vol. 13. № 3. P. 245–258.

Mahler S. Transnational Relationships: The Struggle to Communicate Across Borders // *Identities*. 2001. Vol. 7 (4). P. 583–619.

Mahler S., Pessar P. Gendered Geographies of Power: Analyzing Gender Across Transnational Spaces // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2001. Vol. 7. № 4. P. 441–459.

Massey D. *Space, Place and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Mai N., King R. Love, Sexuality and Migration: Mapping the Issue(s) // *Mobilities*. 2009. № 4(3). P. 295–307.

Nickson D. P., Warhurst C., Cullen A. M., Watt A. Bringing in the Excluded? Aesthetic labour, skills and training in the «new» economy // *Journal of Education and Work*. 2003. Vol. 16. № 2. P. 185–203.

Parreñas R. *Illicit Flirtations: Labor, Migration, and Sex Trafficking in Tokyo*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2011.

Parreñas R. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2015.

Rollins J. *Between Women: Domesticity and their Employers*. Philadelphia, Temple UP, 1985.

Ryan M. Standpoint Theory // *Encyclopedia of Social Theory*. Vol. 2 / Ed. by G. Ritzer. Thousand Oaks: SAGE, 2005.

Sarti R. The true servant. Self-definition of male domestics in an Italian city (Bologna, 17th-19th Centuries) // *The History of the Family*. 2005. № 10. P. 407–33.

Sassen S. Women's Burden: Counter-geographies of globalization and the feminization of survival // *Journal of International Affairs*. 2000. Vol. 53. № 2. P. 503–524.

Şimşek B. The Strategies that Foreign Women Domestic Workers Use to Overcome the Stereotypes They Face in Turkey // *Ethnologia Balkanica*. 2010. № 14. P. 71–85.

Stiell B., England K. Jamaican Domestic Workers, Filipina Housekeepers and English Nannies: Representations of Toronto's Foreign Domestic Workers // *Gender, Migration and Domestic Service* / Ed. by J. H. Momsen. London: Routledge, 1999. P. 43–61.

Sollund R. The Essence of Food and Gender and the Embodiment of Migration // *Advances in Ecopolitics. Transnational Migration, Gender and Rights. Vol. 10* / Ed. by R. Sollund. Emerald Group Publishing Ltd, 2012. P. 77–98.

Tastsoglou E., Hadjiconstanti J. Never Outside the Labour Market, but Always Outsiders: Female Migrant Workers in Greece // *The Greek Review of Social Research*. 2003. P. 189–220.

Tausch A. Inequality, Migration, and «Smart» Survival Performance // *Social Evolution & History*. 2013. Vol. 12. № 2. P. 77–101.

Tolstokorova A. One Way Ticket?: International Labour Mobility of Ukrainian Women // *New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences* / Ed. by S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring. Aldershot: Ashgate, 2013. P. 91–100.

Tognetti Bordogna M. I Matrimoni Misti Tendenze e Dinamicità. 2004. URL: www.ale.fvg.it/immigrazione/temi/famiglia/tognetti.2004.pdf (accessed: 01.03.2016).

Van Hear N. Mixed Migration // *Migration. The COMPAS Ontology* / Ed. by B. Anderson, M. Keith. Oxford: COMPAS, 2014. P. 88.

Vassilikou C. Immigrant Women in Greece: A Biographical Study of Domestic Workers // *Gender, Equal Opportunities, Research*. 2007. № 1. P. 40–45.

Zervidou M. National Report: The Case of Cyprus. Integration of Female Migrant Domestic Workers: Strategies for Employment and Civic Participation. Nicosia: University of Nicosia Press; MIGS, 2008. P. 33–62.